

УДК 81'373.7:81'38

**ПРОСТОРЕЧНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ
В ТВОРЧЕСТВЕ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО:
СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Дьякова Т. А.

*Луганская государственная академия
культуры и искусств имени М. Матусовского,
Луганск, ЛНР
E-mail: diako122@rambler.ru*

Исследование посвящено просторечной фразеологии как части словаря писателя Михаила Матусовского. Литературные произведения в контексте антропоцентрической парадигмы являются уникальным фактом национальной и мировой культуры, феноменом индивидуального творчества, источником познавательной информации. Фразеология как подсистема языка, служащая для воплощения этнокультуры лингвальными средствами, составляет неотъемлемую часть художественно-образной системы писателя. Фразеологический фонд произведений Михаила Матусовского достаточно разнопланов семантически и стилистически. В массиве фразеологических единиц значительную часть составляют просторечные выражения. Автор делает выводы о том, что М. Матусовский не только использует в текстах единицы, зафиксированные фразеографическими источниками, но и подвергает трансформации отдельные фразеологические обороты. Используется семантическое и структурное преобразование фразеологизмов. Среди способов структурной трансформации, примененных писателем, можно назвать такие: контаминация нескольких выражений, расширение компонентного состава фразем, замена лексических компонентов или их грамматических форм. Установлено, что в художественных произведениях фразеологизмы выполняют различные стилистические функции: обеспечивают эмоционально-экспрессивное звучание текста, служат портретными, речевыми характеристиками персонажей, передают психоэмоциональные состояния лирических героев, используются для описания предметов, употребляются как тропы.

Ключевые слова: фразеологическая единица; просторечие; тексты М. Матусовского; экспрессивность; речевая характеристика; портретная характеристика; этимология фразем, компонентный состав, трансформация фразеологических единиц.

ВВЕДЕНИЕ

Во фразеологии как разделе языка наиболее ярко проявляется национальный способ мировосприятия, поскольку национальная специфика фразеологического образа отражает особенности жизни и характера народа, его этнический быт в специальном подборе лексических компонентов того или иного фразеологического оборота. Фразеологизмы возникают на основе образного представления действительности, отражают повседневно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива, связанный с его культурными традициями. Субъект номинации и речевой деятельности – это всегда субъект национальной культуры.

Значительную часть фразеологического фонда современного русского языка составляют устойчивые сочетания просторечного характера, немалая часть которых находит отражение в произведениях художественной литературы, поскольку, по

мнению Д. Шмелева, «потенциальная образность фразеологизма отвечает элементарной потребности разнообразить речь, средствами самой номинации придавать ей экспрессивно-оценочную направленность» [18, с. 291].

Цель работы – проанализировать семантический и стилистический аспекты функционирования просторечной фразеологии в творчестве Михаила Матусовского. Объектом изучения стали просторечные фразеологические обороты, использованные в произведениях М. Матусовского, предметом – этимология фразеологизмов, семантические и стилистические особенности их использования. Материалом исследования послужили тексты поэтических произведений писателя, включенные в сборники разных лет, и прозаический «Семейный альбом».

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Общепризнанным является взгляд на фразеологический состав языка как на наиболее «прозрачную» подсистему для воплощения лингвальными средствами этнокультуры. Природа значений фразеологических единиц (ФЕ) тесно связана, как считает В. Маслова, с «фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на определенном языке» [7, с. 67–68]. Объектом изучения фразеологии являются ФЕ, которые, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки, стереотипы, эталоны, архетипы.

Литературные произведения в контексте антропоцентрической парадигмы являются уникальным фактом национальной и мировой культуры, феноменом индивидуального творчества, источником познавательной информации, «продуктом речемыслительной деятельности автора» [9, с. 3]. В последнее время возрос интерес лингвистов к фразеологии писателей, объектом исследований стало творчество А. Ахматовой (Н. Кудрина), А. Вампилова (А. Овсянникова), А. Островского (Л. Наградова), Л. Толстого (О. Ломакина, Л. Мигранова), В. Шукшина (В. Елистратов) и др. писателей. Составлены фразеологические словари языка И. Бунина, В. Даля, М. Шолохова (А. Васильев).

Фразеологический фонд произведений Михаила Матусовского достаточно разнопланов семантически и стилистически. Массив устойчивых сочетаний, использованных автором, позволяет исследовать единицы с разных позиций: этимология выражений, их семантика, стилистические особенности использования фразеологизмов. Рассматривая просторечную фразеологию как часть словаря писателя, фразеологической единицей, вслед за А. Васильевым, будем называть «воспроизводимое сочетание двух и более знаменательных или служебных слов номинативного или коммуникативного характера, обладающее идиоматичностью и семантико-структурной устойчивостью» [2, с. 4]. Говоря о просторечных фразеологизмах, параллельно с термином «фразеологическая единица» в работе используем понятия «фразеологизм», «фразема», «фразеологический оборот», «фразеологическое выражение», «выражение», «устойчивое сочетание», «устойчивый оборот», понимая их как семантические синонимы. Принципом подачи фразеологизмов мы избрали алфавитный порядок ФЕ с учетом размещения знаменательных частей речи, входящих в состав выражений. Для анализа используем лишь те фразеологические единицы, которые идентифицируются как просторечные фразеологическими источниками или приобрели просторечную коннотацию в контекстуальном использовании. Фразеологизмы иной стилистической окраски

являются объектом изучения в других работах (высокая, разговорная, жаргонная фразеология). При цитировании в исследовании сохраняем авторскую орфографию и пунктуацию.

Амуры завести – крутить амуры ‘заниматься любовными делами’ [34, с. 22]. ФЕ связана с толкованием слова **амур** – разг. и утл. ‘любовные дела, пашни’ [31]. Считаем, что в стихотворении выражение использовано в значении ‘заниматься любовными делами’, используется для характеристики персонажа и придания повествованию эмоционально-экспрессивного характера: *Так ходил он, как туча, хмурый, / На себя и на ближних зол. / А потом, разомлев, амуры / С немкой Монсихою завел* [Т. 1, с. 337].

Брать след – ‘обнаруживать запах по следу и начинать преследование по нему’ (о собаке) [37, с. 80]. Очевидно, что фразеологизм родился в речи охотников, использование его как характеристики поведения человека придает повествованию оттенок просторечности, грубого пренебрежения. ФЕ используется в значении ‘преследовать кого-л.’, употребляется для создания эмоционально-экспрессивного фона повествования: *Чугуниха* [прозвище школьного сторожа – Т. Д.] *все школьные новости ухитрялась узнавать первой, она умела брать след и делать стойку, услышав в коридоре малейший шум из класса* [СА, с. 39].

Брать за шиворот – прост. ‘взять, поймать, схватить кого-либо с целью наказать, привлечь к ответственности’ [35, с. 758]. Писатель использует «исторически маркированный компонент коннотации» [14, с. 190]: *шиворотом* в Московской Руси именовался расшитый воротник боярской одежды, являвшийся одним из знаков достоинства вельможи (*шив* + *ворот*, где *шив* – др.-рус. ‘шея’) [20, с. 638; 9, с. 302]. В тексте устойчивое сочетание используется, на наш взгляд, в значении ‘поймать’, выполняет функцию олицетворения, используется как метафора для придания экспрессивности повествованию: *Маленький город брал нас за шиворот и неумолимо возвращал к действительности* [СА, с. 43].

Быть в разгоне – прост. ‘не на месте, в отсутствии (быть, находиться)’ [35, с. 559]; разг. ‘не на месте (о людях, отправленных куда-л.)’ [26, с. 554]. Писатель, расширяя структуру выражения (добавлено сочетание сущ. *машины* + определит. местоим. *все*), использует фразеологизм в значении ‘быть не на месте’. Стилистически ФЕ является просторечной, применяется для придания повествованию эмоционально-экспрессивного характера: *...а так как все машины в тылу не задерживались и были в разгоне, то приняли решение добираться туда попутным транспортом* [СА, с. 193].

Валять дурака – прост. ‘поступать глупо, неразумно; делать глупости’ [35, с. 58]. По мнению исследователей, устойчивый оборот: 1) формально сближен с сочетаниями типа *ломать* (*корчить, строить, разыгрывать*) [*из себя*] *шута* (*паяца, клоуна, скомороха*); 2) связан с детской забавой с игрушкой-неваляшкой. Такую игрушку, которую называют Ванькой-встанькой, пытаются повалить. Это занятие является совсем несуразным для взрослых. Отсюда и просторечный вариант *валять ваньку* [20, с. 172]. В художественном произведении фразеологизм используется для речевой характеристики персонажа в форме: 1) прямой речи: *«Будьте довольны, молодой человек, что вас не списали из авиации. Если станете валять дурака, мы можем отправить и в резерв»* [СА, с. 82]; 2) косвенной речи с отрицанием, выраженным частицей *не*: *...и когда градусник показал классически нормальные тридцать шесть и шесть десятых, мне было рекомендовано [мамой – Т. Д.] не валять дурака, взять папку, на которой была изображена лира, и отправляться на очередную пытку* [урок музыки – Т. Д.] [СА, с. 30].

Виться чертом – виться (или вертеться) вьюном ‘находиться в непрерывном движении’ [28]. Автор трансформирует ФЕ, производя замену лексического компонента *вьюн* (разг. ‘о ловком, расторопном или пронырливом человеке’ [28]) на *черт*, повышая экспрессивность стилистически маркированным демононимом. В тексте выражение используется в значении ‘ловко перемещаясь, находиться в непрерывном движении’: *Прямо над жаровнями / Повар вился чертом, / Словно очарованный / Этим натюрмортом. / В той жарнице адовой / Был он полон спеси, / Зная, сколько надобно / Самых острых специй. / Радость и бессмертие / Нам даря по-царски, Он вертел на вертеле / Шашлыки по-карски* [Т. 1, с. 357–358].

За воротник закладывать – простореч. ‘пить спиртное, напиваться пьяным’ [37, с. 171]. Существует немало версий происхождения фразеологического оборота (ФО). Среди них и клеймо на ключице мастеровых, дававшее возможность выпить рюмку водки бесплатно, и манера заправлять за воротник салфетку перед тем, как выпить перед трапезой. Есть еще одно мнение, связанное напрямую с внешним видом воротника. Его раньше шили стойкой, и со стороны действительно создавалось впечатление, что человек, трапезничая или выпивая, закидывает что-то за воротник [4]. Однако по свидетельству В. Виноградова, еще в русском языке XIX в. существовало сходное шутивное выражение *заложить за галстук*, реже *пропустить за галстук* в значении ‘выпить хмельного, быть навеселе’, которое в современном разговорном языке применяется не очень часто. По мнению ученого, фразеологизму *заложить за галстук* около полутора столетий. Как показывает слово *галстук*, сочетание это вышло из речи привилегированных классов; образ – *заложить* – косвенно намекает на военную среду, как место его широкого распространения (ср. *заложить* заряд, мину и т. п.) [3]. Предполагаем, что *галстук* был деталью костюма далеко не всех, поэтому компонент *галстук* и «превратился» в *воротник*. В художественном произведении ФЕ использована для речевой характеристики персонажа: «*Уж лучше бы за воротник закладывал, как все мужики*» [СА, с. 163].

Впадать в раж – входить в раж, прост. экспрес. ‘быть в состоянии нарастающего иступления, предельной увлеченности чем-либо’ [35, с. 107]; разг. ‘прийти в сильное возбуждение, неистовство’ [11, с. 215]. По мнению В. Мокиенко, выражение является полукалькай с французского *entrer en rage, se mettre en rage*, где *rage* – ‘бешенство, ярость’ [11, с. 215]. Писатель усиливает экспрессивность сочетания, трансформировав глагольную часть: *входить* → *впадать*. В стихотворении фразеологизм использован с глагольной частью в форме деепричастия, употреблен в значении ‘пребывая в состоянии предельной увлеченности чем-либо’, имеет просторечную стилистическую окраску, используется для придания эмоционально-экспрессивного характера повествованию: *И хлебопек, впадая в раж / И даже встав на цыпочки / Спешит раскатывать лаваши, / Его готова к выпечке* [СП, с. 328].

На всю (полную) катушку – прост. экспрес. ‘по-настоящему, в полную силу (жить, веселиться, праздновать и т. п.)’ [35, с. 290]. Как считают исследователи, устойчивое сочетание вошло в современную речь из языка связистов во время Великой Отечественной войны, а затем расширило своё значение [11, с. 123]. В тексте ФЕ используется в значении: 1) ‘работать в полную силу’, служит для характеристики действия и создания эмоционально-экспрессивного фона повествования: *Христа и мать родную на все раздала корки, / Сизифовой задачей сплочен и увлечен, / Стащив с себя опорки и сбросив гимнастерки, / На полную катушку работал батальон* [Т. 1, с. 437];

2) ‘двигаться максимально быстро (о транспортном средстве)’, в данном случае расширена и структура фразеологизма глаголом в ф. повелит. накл. *жми*, выражение служит для речевой характеристики персонажа: ...и закричал своему механику-водителю с артиллерийской фамилией Пушкарский: «Давай *жми на всю катушку*» [СА, с. 258].

Вынь да положь – прост. экспрес. ‘непременно, во что бы то ни стало сделай без промедления, категорично требую’ [35, с. 118], *иноск.* ‘чтоб было сейчас’ [25, с. 130]. По нашему мнению, фразеологизм – сокращение пословицы *Вынь да положь! Хоть роди, да подай!* [22, с. 78]. Вариант рассматриваемого выражения зафиксирован в русских говорах: *вынь да выложь* [27, с. 305], у М. Михельсона *Хоть из земли достань, да подай* [25, с. 130]. По мнению В. Мокиенко, «сама законченность структуры пословицы и её дидактический смысл накладывают некоторую специфику на её преобразование поэтами» [10, с. 222]. В тексте ФЕ употребляется для эмоционально-экспрессивного отражения восприятия лирическим героем интертекстуального вкрапления и позволяет, как отмечает Г. Орлова, «автору не только проявить свою языковую индивидуальность, но и обозначить собственную позицию» [12, с. 127]: *Один хочет приобрести «бензиновую пилу “Дружба”, другой ищет «женский светлый парик из искусственных волос», а третьему вынь да положь «импортную стенку, мягкую мебель и пианино “Лирика”», и каждый спешит известить об этом читателей газеты* [СА, с. 451].

Вырви глаз – ‘о чем-л. очень кисло, терпком’ [37, с. 219]; 1) разг. шутол. ‘о воздействии чего-л. очень кислого на вкус’; 2) прост. ‘о крепком напитке, табаке’ [26, с. 117]. Автор подвергает выражение семантической трансформации (вкусовые ощущения → зрительные ощущения). ФО основан на синестезии – неприятных явлениях, вызывающих мучительные ощущения и в зрительном, и в тактильном анализаторе (ср. *резать глаз, бить в глаза*) [20, с. 114], используется в тексте в значении ‘о чем-л. вызывающе яркого цвета’, выполняет описательную функцию, служит для создания эмоционально-экспрессивной характеристики объекта: *Как же мне передать <...> ядовито-оранжевую, болотно-зеленую, что называется «вырви глаз», окраску машин «джипни»...* (сохранена авторская орфография – Т. Д.) [СА, с. 316].

Выцарапать глаза – (*хотеть*) *выцарапать глаза*, *иноск.* ‘жестоко мстить’ [25, с. 133]; *выгрызать (выцарапывать) глаза* ‘вести себя агрессивно, добиваясь чего-л. от кого-л.’ [26, с. 120]. Автор использует фразеологизм в значении ‘жестоко мстить’ для создания экспрессивной характеристики персонажа: ...на самом деле со всей неизрасходованной бабьей жалостью любившая свой шумный выводок и готовая **выцарапать глаза** за каждого из них, на этот раз была избавлена от обременительных тягот... [СА, с. 279].

Глаза мозолить – простореч. ‘надоедать, досаждать постоянным присутствием, разговорами’ [37, с. 247]. Как отмечает В. Виноградов, глагол *мозолить* в современном русском литературном языке лишен самостоятельного значения. Он употребляется лишь в составе фразеологического единства. Это экспрессивное выражение свойственно, главным образом, фамильярному стилю разговорной речи, оно вошло в литературный язык из устной народной речи не раньше середины XIX в. У В. Даля отмечено еще областное слово *мозольничать* ‘безотвязно попрошайничать, надоедать’. На этом смысловом фоне становится очевидным образный корень народного выражения *мозолить глаза*. Яркая экспрессивность предоохранила его от исчезновения [3]. В поэтическом тексте фразеологическая единица использована с отрицанием, выраженным частицей *не*, употреблена по отношению к предмету быта (лампе): *Может быть, в самый*

последний, / Горький и памятный раз / Лампу оставил в передней, / Чтоб не мозолила глаз... [ЗМО, с. 194].

Глаза нялить (таращить) – прост. неодобр. ‘пристально, неотрывно смотреть на кого-л., рассматривать кого-л. в упор’ [20, с. 114]. Автор подвергает ФЕ трансформации, расширяя структуру за счет использования узуальных вариативных компонентов *нялить* (*таращить*) как однородных *таращить*, *нялить*, в тексте глагольная часть фразеологизма использована в ф. повелит. накл. (*няль, таращъ*) с усилительной частицей *ни*. Просторечное выражение служит для отражения психического и физического состояния лирического героя: *Как ни таращъ, как ни няль глаза, все вокруг было сплошным мутным пятном, все было смазано и стерто* [СА, с. 249].

Глотка луженая – прост. неодобр. ‘кто-либо обладает способностью громко говорить, кричать, петь и т. п.’ [37, с. 136]. Возможно, фразеологизм связан с целями процесса лужения предметов утвари, которое производится для того, чтобы поверхность металла не окислялась. Так, железо и медь окисляются даже от воздуха, поэтому их покрывают другим металлом, чаще всего оловом (или его сплавами), так как на него воздух, влага, кислоты и состав пищевых продуктов не действуют. Однако вероятнее, на наш взгляд, связь с технологическим лужением духовых музыкальных инструментов с целью предохранения их от окисления. Выражение возникло как метонимический перенос: *глотка* – *духовой инструмент*. В художественном тексте фразеологический оборот претерпевает структурную трансформацию (изменена форма числа: *глотка луженая* → *глотки луженые*, добавлен компонент – прилагательное *железными*), употребляется как олицетворение для придания повествованию эмоционально-экспрессивного характера: *Гудки были первой песней моего детства. С годами я научился различать их по голосам <...> Словно это сошлись на севку гиганты с лужеными железными глотками* [СА, с. 510].

Горя хлебнуть – народн. ‘терпеть бедствия, лишения, жить трудной жизнью’ [26, с. 153]. По мнению В. Мокиенко, в данном фразеологизме отражена связь диалектных и литературных оборотов с аналогичной структурой (например, *истить горькую чашу до дна* – *хлебнуть горя через край*). Возможно, произошла контаминация нескольких моделей (*горе мыкать* – исконно русское и *выпить чашу* – восходит к библейскому изречению), скрещение которых привело к образованию фразеологизма *хлебнуть горя* [20, с. 129]. Фразеологическое сочетание употребляется как метафора (*хлебнуть спиртного из фляги* – *хлебнуть горя из фляги*), подвергается расширению (*хлебнуть горя* → *горя хлебнуть из простреленных этих фляг*), используется для придания эмоционально-экспрессивного характера речи лирического героя: *Под осколками и под пулями / С болью делая каждый шаг, / Вдоволь горя с тобой хлебнули мы / Из простреленных этих фляг* [Т. 1, с. 507].

За грудки схватить – *брать, взять, трясти* и т. п. кого-л. *за грудки*, простореч. ‘за грудь, за одежду на груди хватать, трясти и т. п.’ [37, с. 289]. Предполагаем, что возникновение фразеологизма связано с традициями славянского рукопашного боя, где один из приемов как раз и состоял в захвате части одежды на груди противника [15]. Фразеологизм используется для: 1) характеристики психоэмоционального и физического состояния лирического героя: *И все-таки неприятности девятибальной качки не идут ни в какое сравнение с тем, что мы испытываем сейчас в гостинице «Филиппины» [испытывают землетрясение – Т. Д.]. На море был хоть какой-то определенный ритм, паузы, здесь же кажется – кто-то схватил вас за грудки и яростно трясет, обрывая*

пуговицы [СА, с. 317]; 2) характеристики действия персонажей, создания эмоционально-экспрессивного фона повествования: **Они** [владельцы бойцовых петушков – Т. Д.] **хватались за грудки, кричали дурными голосами, закатывали глаза к небу, сильно переигрывали, как плохие артисты, и все же постепенно привлекали к себе внимание иностранцев** [СА, с. 340].

Делать стойку – делать стойку, стойка ‘напряженная неподвижная поза, принимаемая охотничьей собакой при обнаружении дичи’ [30, стлб. 910]; **сделать стойку** – ‘заинтересоваться чем-л., обратить внимание на что-л.’ [19, с. 140]. Полагаем, что выражение *делать стойку* восходит к охотничьей терминологии, применение его относительно человека придает повествованию оттенок просторечности, грубого пренебрежения, оборот употреблен в значении ‘интересоваться чем-л., принимая внешне напряженный вид’, используется для оценки морально-этических качеств персонажа: Чугуниха [прозвище школьного сторожа – Т. Д.] **все школьные новости ухитрялась узнавать первой, она умела брать след и делать стойку, услышав в коридоре малейший шум из класса** [СА, с. 39].

С жиру беситься – простореч. ‘привередничать, капризничать от пресыщения или безделья’ [37, с. 289]. Исследователи выдвигают несколько версий происхождения выражения. Одна из них связана со значением слова *жир* – ‘богатство, имущество’, а *беситься* – ‘заниматься чем-л. дурным’ (от *бес* ‘дьявол’, который доводит до людей до бешенства), другие версии связаны с миром животных: либо по аналогии с аномалиями в поведении животных во время жирования, либо с пониманием *жира* как ‘корма, изобилия пищи’. Первоначально речь шла об излишке кормов для домашних животных (собак), чрезмерное переедание которых действительно может привести к бешенству [20, с. 189; 11, с. 90]. В тексте фразеологизм используется как часть косвенной речи для характеристики персонажа: *Старшему Сухому казалось, что все люди в городе, в том числе и городские мальчишки, живут привольно, безбедно, ни черта не делают и только с жиру бесятся* [СА, с. 57].

Зарубить себе на носу – прост. экспрес. ‘запомнить крепко-накрепко, навсегда’ [35, с. 249]. ФО восходит к древней традиции делать записи (зарубки) для памяти на бирках (дощечках), которые раскалывали, половину отдавая должнику. Метафорически соотносится с этой биркой (дощечкой) *нос* (производное от *носить*). Выражение используется для эмоционально-экспрессивной речевой характеристики персонажа: «*Так вот, заруби себе на носу: истребитель – это тот, кто всегда ищет боя*» [СА, с. 76].

Иметь сердце – прост. ‘сердиться, гневаться, таить обиду, злобу’ [36, с. 137]. Слово *сердце* в этом фразеологизме употреблено в старом (известном сегодня в диалектах) значении ‘гнев, злоба’ (ср. слова *сердиться, сердитый*) [20, с. 522]. В художественном произведении оборот употреблен в трансформированной форме (*иметь* → *имеющий* + частица *не*) в значении ‘не сердящийся, не гневающийся’. О выражениях такого типа фразеологи А. Баранов и Д. Добровольский говорят, что без отрицания они в принципе не употребляются, а отрицание становится «фактором не столько синтаксическим, сколько лексическим» [1, с. 292]. В тексте ФЕ используется для придания эмоциональности характеристике персонажа (сибирского поэта Льва Черноморцева), приближения повествования к широкому кругу читателей: *Так же негромко и скромно писавший все о тайге да о горькой морошке, ни на кого не имеющий сердца, изредка все же готовый взорваться и проявить свой сибирский характер, но если быть до конца*

справедливым, тут же способный мгновенно оттаять, без промедленья пойти на уступки... [Г, с. 155].

Индюк тоже думал – индюк тоже думал, да в суп попал ‘неприятие оправдания, начинающегося со слов «Я думал (а)»’ [19, с. 67]. В тексте писатель использует редуцированную форму русской поговорки, основу которой составляет внешний облик индюка, выглядящего очень внушительно, скорее всего, умный вид индюку придает способности этой птицы надуваться, важно нахохливаться (отсюда и выражения *важный как индюк, надулся как индюк*). Способность индюка «думать» отражена и в словаре В. Даля: *Думает индийский петух* [23]. Несмотря на все «мыслительные способности», индюк был сварен в супе и съеден (в разговорном дискурсе существует несколько различных побасенок, рассказывающих об этом). В художественном тексте просторечное выражение (в пользу его просторечности говорит сопутствующее сочетание *в штаны накла*) употребляется для речевой характеристики персонажа, приближения его к широкому кругу читателей: «*Что же ты не предупредил меня, я же думал, что оно солью заряжено*». – «*Думал, индюк тоже думал, – отвечал старший Сухой, – будто ты не видал, как я его зарядил. А теперь со страху в штаны накла*» [СА, с. 58].

Какого хрена – на кой хрен, грубо-прост. ‘зачем, для чего’ [31, с. 730]; *кой (какой) хрен, прост. неодобр.* ‘выражение сильного неудовлетворения, раздражения’ [26, с. 720]. В основе просторечной грубой экспрессивности эвфемизм *хрен*, заменяющий обценную лексему со значением ‘мужской половой орган’ [34, с. 374]. Автор использует один из вариантов грубо-просторечного ФО в значении ‘почему, с какой целью’ для речевой характеристики персонажа: «*Ты какого хрена под колесами путаешься? Что, жить надоело?*» [СА, с. 212].

Корчить (строить) рожи – корчить рожи, прост. экспрес. ‘гримасничать’ [35, с. 316]; *корчить (строить) рожи (рожу), разг.* ‘гримасничать, намеренно исказить лицо’ [26, с. 567]. По нашему мнению, фразеологизм *корчить (строить) рожи* имеет просторечную стилистическую окраску, используется автором для придания повествованию эмоционально-экспрессивного характера, используется в значении: 1) ‘гримасничать’, выполняет функцию характеристики поведения персонажа: *Шептались за нашей спиной и строили рожи. / На верхней Казанской стояли хозяин лабаза, / Хозяин аптеки, хозяин хлебопекарни* [ЗМО, с. 73]; 2) ‘гримасничать, намеренно исказить лицо’, выполняет функцию характеристики поведения персонажа: *Такие рожи строят клоуны, / Что вправду со смеху помрете* [Г, с. 94]; 3) ‘гримасничающий’, выражение подверглось трансформации (*строить* → *строящий*), служит для описания внешности мифологических образов: *Вскоре загородный дом женищины заполнился всевозможными чудящими, выпускающими когти, хихикающими, скалящими зубы, строящими рожи* [СА, с. 437]; 4) ‘гримасничающий’ выражение подверглось трансформации (*корчить* → *корчащий*) служит для описания внешности мифологических образов. При этом наблюдается расширение компонентного состава ФЕ обстоятельством места *из темных углов*: *...и всякая нечистая сила, строившая козни, принимавшая разные личины и корчившая рожи из темных углов* [СА, с. 301].

Лезть в бутылку – простореч. ‘раздражаться, сердиться на кого-, что-л. (обычно без основания)’ [37, с. 541]. Исследователи затрудняются с определением этимологии выражения [20, с. 63], однако предполагают, что происходит оно из воровского жаргона. В пользу этого свидетельствует толкование слова *бутылка* в жаргоне – ‘полицейский участок’ [21, с. 114]. Другая версия связывает происхождение фразеологизм с *бутылкой*

– жаргонным названием старой тюрьмы в Питере, которая по форме напоминает цилиндр [6]. Но, по нашему мнению, происхождение фразеологического оборота связано с характерной формы бутылки: забраться в нее легко, а вот выбраться обратно очень трудно. То есть в основе метафорического сочетания *лезть в бутылку* – пожелание: не делай такого, последствия чего будет трудно преодолеть, и о чем будешь жалеть. В произведении ФЕ используется для эмоционально-экспрессивной характеристики персонажа, приближения повествования к широкому кругу читателей: ...а тот [муж – Т. Д.] <...> *сопротивлялся, или, проще говоря, лез в бутылку: то он делал губы колечком и требовал, чтобы суженая поцеловала его, то с запозданием вспоминал какие-то старые обиды...* [СА, с. 141].

Лезть на рожон – прост. экспрес. ‘начинать, предпринимать что-либо предельно рискованное, обречённое на неудачу, провал’ [35, с. 341]. По мнению исследователей, существует несколько версий происхождения фразеологизма. По одной из них, это русское выражение. Устаревшее слово *рожон* обозначает заостренный кол (рогатину), который употребляли при охоте на медведя. Разъяренный зверь лез на *рожон* – широкий нож, заточенный с обеих сторон. По другому толкованию, оборот восходит к античным источникам, в частности, трагедиям Эсхила и связан с древним способом прогонять быков заостренным колом – *рожном* [11, с. 218–219]. В стихотворении фразеологический оборот употребляется с отрицанием как олицетворение для создания эмоционально-экспрессивной характеристики состояния природы (леса): *Все звуки погребя, / Не лезет на рожон – / Лес словно сам в себя / Навеки погружен* [Т. 1, с. 444].

Матом крыть – прост. неодобр. ‘сквернословить, ругаться матом’ [26, с. 387]. Предполагаем, что выражение связано с арго картежников, где *крыть* – ‘бить карту противника’, на основе чего развилось значение глагола *крыть* – ‘ругать’. В стихотворении фразеологизм употребляется для создания эмоционально-экспрессивного фона повествования: *Хочешь, грязь гребь лопатой, / Хочешь, матом крой, – / В бездорожье нам ребята / Доставляют кровь* [Т. 1, с. 64].

Мать твою так – прост. эвфем. бран.-шутл. ‘восклицание, выражающее негодование, гнев’ [26, с. 390]. Фразеологические источники определяют данное сочетание как ‘эвфемизм к *мать твою эти*’ [29, с. 277; 34, с. 191]. Последнее выражение относится к группе обценной фразеологии. В художественном произведении эвфемистический фразеологический оборот применяется для создания речевой характеристики персонажа, оказавшегося в экстремальной ситуации: *«Ты что же, младший лейтенант, мать твою так, обстановки не знаешь? Через несколько часов немцы выскочат на шоссе...»* [СА, с. 384].

Накласть в штаны – *наложить в штаны*, прост. шутл.-ирон. ‘сильно испугаться’ [26, с. 757]. Основу ФЕ составило значение глагола *наложить*, *накласть* – ‘испражниться’ [34, с. 206–207], что может явиться следствием сильного испуга. Просторечный характер фразеологизма автор усиливает употреблением глагола *класть* в форме совершенного вида. В тексте выражение используется для речевой характеристики маргинального персонажа: *«Думал, индюк тоже думал, – отвечал старший Сухой, – будто ты не видал, как я его зарядил. А теперь со страху в штаны накласть»* [СА, с. 58].

Накось выкуси – грубо прост. ‘ничего не добьёшься, не получишь, не рассчитывай’ [35, с. 394]. Очевидно, что *выкуси* произошло от *кусать* и имеет явную негативную коннотацию. Считаем, что смысл выражения в том, что вам, как будто предлагают фигу, то есть куснуть за торчащий из кулака большой палец. А если вы захотите за него

ухватиться, то его сразу спрячут. Кроме того, он с двух сторон прикрыт двумя пальцами, поэтому у вас не будет даже одной попытки, то есть *выкусить*, будет попросту невозможно. Просторечность фразеологизма усиливается диалектной частицей *накось* ‘на, возьми, вот тебе’ [31]. Автор употребляет ФЕ для создания эмоционально-экспрессивного фона повествования: *...наступал на игуменью Меланию, устрашая ее своим богохульством и умением называть вещи своими именами, и потом, вот тебе, **накось выкуси**, совал ей под нос увесистую волосатую дулю...* [СА, с. 169].

На птичьих правах – прост. ирон. ‘без законных оснований’ [35, с. 517]. По мнению исследователей, это собственно русское выражение связано с тем, что птичьи гнезда могут быть легко разрушены [20, с. 470]. Фразеологизм выполняет описательную функцию, служит для придания повествованию эмоционально-экспрессивного характера: *...и тот маленький бродячий театрик, существовавший на **птичьих правах** и на скромной дотации...* [СА, с. 438].

Пусть пропадает все пропадом – пропадать пропадом – прост. экспрес. ‘попадать в бедственное, безвыходное положение’ [35, с. 538]. Используя тавтологическую модель с редупликацией глагола, характерную для народной речи, автор расширяет компонентный состав фразеологизма определит. местоимением *все* и формообразующей частицей *пусть*. Выражение применяется для характеристики психоэмоционального состояния персонажа, придания экспрессивности повествованию: *Пусть пропадет все **пропадом** – / Сегодня вы не в духе. / Напрасно улыбаются / Ночные потаскухи* [Т. 1, с. 265].

Путь заказать – прост. ‘лишать кого-либо возможности делать что-либо; закрывать доступ куда-либо’ [37, с. 240]. Фразеологизм основывается на устаревшем просторечном значении глагола *заказать* ‘запретить’ [28]. В художественном тексте незначительно трансформированное (форма ед. ч. существительного *путь* → мн. ч. *пути*) устойчивое сочетание употребляется с отрицанием *не* для придания эмоционально-экспрессивного характера повествованию: *Здесь **пути не заказаны**. Песню о березовом соке композитор Вениамин Баснер и я тоже написали как песню о Родине* [СА, с. 510].

Рот разинуть – прост. неодобр. ирон. ‘проявлять крайнее удивление, изумляться’ [35, с. 560]. Полагаем, основу выражения составляет естественная мимическая реакция удивленного чем-либо человека, в поэтическом тексте фразеологизм используется с трансформированной глагольной частью (*разинуть* → *разинув*) для экспрессивной характеристики поведения персонажа: *Там, где в круг сошлись грузины, / Пригласив с собой армян, / Ходит-бродит, **рот разинув**, / Вагаршак Элибекян...* [Г, с. 91].

Стружку снимать – прост. ирон. ‘отчитывать, критиковать, ругать кого-либо’ [35, с. 637]. Исследователи рассматривают версию, что данный фразеологизм каламбурного происхождения (от созвучия слов *строгать*, *стругать* и *строгий*, *ругать*), возможно, выражение связано с тем, что содранная во время порки кожа сравнивалась со стружкой [20, с. 556]. Предполагаем, что фразеологический оборот восходит к профессиональной деятельности плотников или столяров, которые, буквально *снимая стружку*, улучшают изделие, доводят его до совершенного вида. В художественном тексте фразеологическое сочетание использовано для речевой характеристики персонажа: *«Ты мне лучше скажи, почему у тебя политдонесения всегда запаздывают? С меня ежедневно начальник **стружку снимает**»* [СА, с. 206].

Сто грамм с прицепом – *прицеп* ‘кружка пива к водке’ [21, с. 749]; «старшее поколение еще помнит набор “100 грамм с прицепом” – кружкой пива» [5, с. 218].

Считаем, что выражение употреблено в значении ‘сто граммов водки и кружка пива’, используется в стихотворении для придания эмоционально-экспрессивного характера повествованию, приближения его к широкому кругу читателей: *Мы научились под огнем ходить, не горбясь, / С жильем случайным расставаться, не скорбя. / Вот потому-то, наш родной гвардейский корпус, / Сто грамм с прицепом надо выпить за тебя* [Т. 1, с. 554].

Строить козни – прост. неодобр. ‘тайно вредить кому-либо, замышлять зло против кого-либо’ [35, с. 666], **козни** – книжн. устар. ‘тайные, злые и коварные умыслы, направленные против кого-н.’ [31]. Древнерусское *къзни* означает не только ‘insidia’ (‘козни’), но и ‘промысел’, ‘искусство’ (*ковать, кузнец*). Слово *козни* образовано от редуцированного общеславянского корня *kov*: *ki* и суффикса *-zn-ь* (как в слове *жизнь*) [37, с. 408]. В художественном тексте выражение используется в значении ‘тайно вредящий кому-либо, замышляющий зло против кого-либо’, применяется с измененной глагольной частью (*строить* → *строившая*) выполняет описательную функцию, служит для придания повествованию эмоционально-экспрессивного характера: *...и всякая нечистая сила, строившая козни, принимавшая разные личины и корчившая рожу из темных углов* [СА, с. 301].

Трещать языком – прост. неодобр. ‘болтать, пустословить’ [26, с. 771]. Эмоционально-экспрессивное выражение использовано для характеристики поведения персонажа: *Да и чего еще от него надо – он безупречно вежлив <...> – а трещать языком не входит в его обязанности* [СА, с. 339].

В ус не дует – прост. экспрес. ‘совсем не обращать никакого внимания на что-либо, не проявлять никакого беспокойства’ [35, с. 213]. Фразаграфические источники не комментируют данное выражение. Исследователь фразеологии О. Северская предлагает несколько версий происхождения данного выражения. Возможно, первоначально речь шла о коте, охотящемся на мышь и притворяющимся для этого мертвым: «Он глазом не моргнет, ухом не поведет, в ус не дунет» (во-первых, так описывал притаившегося кота В. Жуковский: «Мурлыка лежит и не дышит, // Ус не тронется, глаз не моргнет; мертвец, да и только»; во-вторых, есть поговорка: «И в ус не дует, и ухом не ведет»). Другая версия гласит: изначально *в ус не дует* значило ‘не бояться’ (стоит эдакий молодец, сам боится – аж живот подводит, а виду не подает, только ус, подрагивающий от судорожного дыхания, его и выдает или не выдает. Тогда и выходит: такой молодец, что и в ус не дует) [13]. Полагаем, что фразеологизм использован в значении ‘совсем не обращать никакого внимания на что-либо, кого-л.’, употребляется для характеристики психоэмоционального состояния персонажа: *Вкруг него [Феофана Грека – Т. Д.] зеваки ходят – он и в ус не дует. / Чтоб о нем ни говорили, он выходит прав. / Как над красками своими он с утра колдует, / Под ременную повязку волосы забрав* [Т. 1, с. 453].

Хватит лишку – ‘выпить слишком много (вина), до опьянения’ [28]; **хватить лишнего**, прост. экспрес. ‘выпить спиртного больше, чем следует’ [35, с. 721]. Выражение образовано по продуктивной модели ‘с верхом, с избытком’; **лишóк** – народн. ‘избыток’ (буквально, то, что осталось лишним) [20, с. 344]. В художественном тексте выражение используется для создания эмоционально-экспрессивного фона повествования, приближения его к широкому кругу читателей, использовано в значении: 1) ‘выпив слишком много вина’, фразеологическая единица претерпела структурное расширение (добавлена сравнительная частица *как будто*), употребляется для характеристики образа действия: *Они [поэты – Т. Д.] и впрямь, хватив как будто лишку,*

вступали в спор, дурачились, шутили, хотя в кафе лишь только подавалась трезвейшая вишневая наливка [Г, с. 173]; 2) 'выпивший слишком много вина', фразеологизм претерпел структурную трансформацию глагольной части (*хватить* → *хвативший*), употребляется для описания персонажей: *Хватившие лишку* погонщики дремлют в пути, покрыв от солнца голову войлочными белыми шляпами [СА, с. 412].

Шарашкина контора – прост. презр. 'не вызывающее никакого доверия, никчемное учреждение, предприятие' [35, с. 308]. Существуют различные объяснения появления данного выражения. Возможно, существует связь с арготическими лексемами *шарага* 'воровская группа, компания', *шарашка* 'беспорядок', *шарашить* 'красть' или диалектным устаревшим *шарань* 'сброд' [24, с. 548], предлагается и иное толкование: *шарага* – 'плохо управляемое предприятие' [21, с. 1042]. Есть также версия, что фразеологизм мог произойти от фамилии некоего нэпмана Шарашкина – метафорического собирательного образа нечистого на руку предпринимателя эпохи 20-х годов XX века [17], однако такая трактовка этимологии видится нам сомнительной. Высказывается предположение, что фразеологическая единица связана с лексемой **шарашка**, прост. 'в годы сталинских репрессий: тюремное учреждение, конструкторское бюро, в котором работают заключённые-специалисты' [32, с. 1102]. Последнее представляется нам не вполне логичным, поскольку в *шарашках* сталинских времен работали лучшие специалисты различных технических областей (среди них, например, были ведущие авиаконструкторы С. Королев и А. Туполев). Поэтому никчемным или плохо управляемым такое учреждение не могло быть. Полагаем, что более вероятной является версия о связи фразеологического оборота с арготическим *шарага* (*шаражка*, *шарашка*). В тексте фразеологизм использован с отрицательной частицей *не*, служит для придания эмоционально-экспрессивной выразительности речи персонажа, его речевой характеристики: «Причем тут любезность? Это вам **не шарашкина контора**, а государственное учреждение, и открывается оно, как положено» [СА, с. 374].

Юзом ползти (сползти) – юзом 'скользя, не вращаясь, продвигаясь волоком по земле, рельсам и т. п.' (о колесах, гусеничной передаче)' [28]. Фразеологизм связан с семантикой лексемы *юз* 'скольжение колес, переставших вращаться' [24, с. 570], авторы толкового словаря выводят наречие *юзом* 'таща, волоча по земле' из арго грузчиков [31]. Полагаем, что происхождение его может быть связано и с диалектными словами: *юзнуться* 'сильно удариться', *юзила* 'юла, егоза, беспокойный человек', *юзгаться* 'медлить' [33, с. 528]. Высказываются и другие предположения об этимологии выражения. Например, говорят о том, что *юзом* – первоначально форма твор. п. от *юс* (*юсом*) в значении в значении 'крюк'. Здесь подразумевается некое приспособление, позволявшее тащить груз, подцепив его [8]. Понятие *двигаться юзом* означает *скользить (соскальзывать)* или *ползти (сползать)*, или *тащить волоком (не катом)*. А *лезет, ползёт, скользит* вполне соответствуют движениям *ужа* (гада). Сани (лыжи) всегда скользят. Колесные повозки идут *катом* или *юзом* (скользя), а порой – медленно *ползут*. Логично, что термины, характеризующие способы перемещения живых тварей, стали использоваться в технике [16]. В художественном тексте выражение используется как характеристика действия для приближения повествования к широкому кругу читателей, употребляется в значении: 1) 'скользить, не вращаясь (о колесах транспортного средства)': *Автобусы юзом ползли под откос, / Обратно вскарабкаться силась* [Т. 1, с. 407]; 2) 'соскользнуть по поверхности': *Сползли с разбитой баржи три колокола юзом, / И в тот же миг сомкнулась вода со всех сторон* [Т. 1, с. 438].

ВЫВОДЫ

Итак, рассмотрев просторечную фразеологию произведений Михаила Матусовского, можем утверждать, что: 1) фразеология, служащая для воплощения лингвальными средствами этнокультуры, составляет неотъемлемую часть художественно-образной системы писателя; 2) в массиве фразеологических единиц важную роль играют просторечные выражения, которые гармонично вписаны в текст поэтических и прозаических произведений; 3) писатель использует в поэтических и прозаических произведениях не только единицы, зафиксированные фразеографическими источниками, но и подвергает отдельные фразеологические обороты трансформации (как семантической, так и структурной); 4) структурная трансформация осуществляется различными способами: производится замена лексических компонентов (нейтральных на стилистически маркированные), изменяются их грамматические формы (формы ед. ч. имен существительных и прилагательных трансформируются в формы мн. ч.; глаголы заменяются причастиями и деепричастиями); происходит контаминация нескольких выражений, расширяется компонентный состав (добавлением лексических единиц разной частеречной принадлежности); 5) в художественных произведениях фразеологизмы выполняют различные стилистические функции: придают повествованию (рассуждению) эмоционально-экспрессивный характер; передают психоэмоциональные состояния лирических героев и персонажей; служат ментальной характеристикой лирического героя; используются как элементы речевых характеристик, оценки действий персонажей; применяются для описания предметов; 6) устойчивые сочетания, используемые в качестве тропов, выполняют функцию персонификации.

Дальнейшие исследования фразеологии произведений Михаила Матусовского, на наш взгляд, позволят проанализировать и другие пласты фразеологического фонда (книжные, высокие, разговорные, жаргонные единицы), материалы работы могут быть использованы как при изучении лингвистических дисциплин (фразеология, стилистика, стилистический анализ художественного текста, этнолингвистика), так и историко-культурологических (история культуры, культура родного края, этнокультурология).

Список источников

- Г* – Матусовский, М. Л. Горечь : Книга стихотворений [Текст] / М. Л. Матусовский. – М. : Сов. писатель, 1992. – 192 с.
- ЗМО* – Матусовский, М. «Земля моих отцов – Донбасс». Стихи и песни о Луганщине и Донбассе [Текст] / М. Матусовский. – М. : Република, 2011. – 304 с.
- СА* – Матусовский, М. Семейный альбом [Текст] / М. Матусовский // Матусовский Михаил. Проза (С. Литературная гордость Луганщины). – Луганск : ООО «Виртуальная реальность», 2011. – С. 7–550.
- СП* – Матусовский, М. Л. Стихотворения. Песни [Текст] / М. Л. Матусовский. – М. : Худож. лит., 1986. – 414 с.
- Т. 1* – Матусовский, М. Избранные произведения в двух томах. – Т. 1. Стихотворения, поэмы, песни [Текст] / М. Матусовский. – М. : Худ. лит., 1982. – 639 с.

Список литературы

1. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии [Текст] / А.Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Знак, 2008. – 656 с.
2. Васильев, А. И. Фразеологический словарь языка М. А. Шолохова. – Т. 1. [Текст] / А. И. Васильев. – Стерлитамак : Фобос, 2015. – 420 с.

3. Виноградов, В. В. История слов [Электронный ресурс] / В. В. Виноградов. – Режим доступа : <http://wordhist.narod.ru/zalogit.html>. (Дата обращения: 27.01.2021).
4. Заложить за воротник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://altayklimat.ru/zalozhit-za-vorotnik-proishozhdenie-zakladyvat-zavorotnik/>. (Дата обращения: 25.01.2021).
5. Курукин, И. В. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина [Текст] / И. В. Курукин, Е. А. Никулина. – М. : Молодая гвардия, 2007. – 519 с.
6. Лезть в бутылку [Электронный ресурс] // Буквоед. Режим доступа: http://bukvoed.blogspot.com/2007/05/blog-post_17.html#:~:text. (Дата обращения: 27.01.2021).
7. Маслова, В. А. Лингвокультурология [Текст] / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
8. Машина пошла юзом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru-etymology.livejournal.com/385043.html>. (Дата обращения: 24.01.2021).
9. Мигранова, Л. Ш. Фразеология романа «Анна Каренина» как фрагмент языковой картины мира Л. Н. Толстого [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. Ш. Мигранова. – Уфа, 2010. – 26 с.
10. Мокиенко, В. М. Пословица в поэтическом тексте [Текст] / В. М. Мокиенко // Жизнь фразеологии – фразеология в жизни: сб. науч. статей к юбилею профессора А. М. Мелерович / отв. ред. и сост. И. Ю. Третьякова; предисл. А. Е. Якимов. – Кострома : Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. – С. 211–225.
11. Мокиенко, В. М. Правильно ли мы говорим по-русски? Поговорки: что мы о них знаем, откуда они пришли, как их правильно понимать и употреблять [Текст] / В. М. Мокиенко. – М. : ЗАО Издательство Центрполиграф, 2016. – 317 с.
12. Орлова, Г. В. К вопросу о трансформации фразеологических единиц в заголовках современных СМИ [Текст] / Г. В. Орлова // Славянская фразеология в современных СМИ (публицистический дискурс). Коллективная монография / отв. ред. : Х. Вальтер, В. М. Мокиенко, Ж. Финк. – Грайфсвальд : Ун-т им. Эрнста Морица Арндта, 2017. – С. 123–128.
13. Северская, О. Дуть в ус или не дуть? Вот в чем вопрос [Электронный ресурс] / О. Северская. – Режим доступа: https://rus.1sept.ru/view_article.php?ID=201000612. (Дата обращения: 26.01.2021).
14. Современная фразеология: тенденции и инновации: Монография [Текст] / Н. Ф. Алефиренко, В. И. Зимин, А. П. Василенко и др.; отв. ред. А. П. Василенко. – М., СПб., Брянск : «Новый проект», 2016. – 200 с.
15. Традиционный рукопашный бой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1878344/Традиционный_рукопашный_бой#cite_note-29. (Дата обращения: 26.01.2021).
16. Что такое юз [Электронный ресурс] // Русский язык. – Режим доступа: <https://rus.stackexchange.com/questions/42562/Что-такое-юз>. (Дата обращения: 27.01.2021).
17. Шарашкина контора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://weekend.rambler.ru/other/40279293-sharashkina-kontora-chto-eto-na-samom-dele/>. (Дата обращения 24.01.2021).
18. Шмелев, Д. Н. Современный русский язык. Лексика [Текст] / Д. Н. Шмелев. – М. :URSS, 2017. – 336 с.

Словари

19. Белянин, В. П. Живая речь. Словарь разговорных выражений [Текст] / В. П. Белянин, И. А. Бутенко. – М. : ПАИМС, 1994. – 192 с.

20. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник [Текст] / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
21. Грачев, М. А. Словарь тысячелетнего русского арго : 27000 слов и выражений [Текст] / М. А. Грачев. – М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2003. – 1120 с.
22. Даль, В. И. Пословицы русского народа: сборник. В 2-х т. / вступ. слово М. Шолохова, послесл. В. Аникина; худож. Г. Клодт [Текст] / В. И. Даль. – Т. 1. – М. : Худож. лит., 1984. – 383 с.
23. Даль, В. И. Толковый словарь живаго великорускаго языка : в 4 т. [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – Режим доступа: <http://slovardalja.net/letter.php?charkod=192>. (Дата обращения: 25.01.2021).
24. Елистратов, В. С. Словарь русского арго : Материалы 1980–1990 г. Около 9000 тыс. слов. 3000 идиоматических выражений [Текст] / В. С. Елистратов. – М. : Русские словари, 2000. – 694 с.
25. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний [Текст] / М. И. Михельсон. – СПб. : Типография Акционерного общества «Брокгауз-Ефрон», 1912. – 1046 с.
26. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок [Текст] / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
27. Словарь русских народных говоров [Текст]. Вып. пятый / гл. ред. Ф. П. Филин. – Л. : Наука. – 1970. – 344 с.
28. Словарь русского языка: в 4-х т. [Электронный ресурс] / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>. (Дата обращения: 26.01.2021).
29. Словарь современного русского города : ок. 11000 слов, ок. 1000 идиоматических выражений [Текст] / под ред. д-ра филол. наук, проф. Б. И. Осипова. – М.; ООО «Издательство «Русские словари» : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ» : ООО «Транзиткнига», 2003. – 565 с.
30. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. [Текст] / ред. В. И. Чернышов. – Т. 14. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1963. – 1390 стлб.
31. Толковый словарь русского языка : в 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>. (Дата обращения: 27.01.2021).
32. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов [Текст] / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова, отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Издательский центр «Азбуковник». 2011. – 1175 с.
33. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в IV т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина [Текст] / М. Фасмер. – 3-е изд., стер. – Т. IV. – СПб. : Азбука, 1996. – 864 с.
34. Флегон, А. За пределами русских словарей [Текст] / А. Флегон. – Лондон : ТОО «РИКЕ», 1993. – 413 с.
35. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского языка : ок. 13000 фразеологических единиц [Текст] / А. И. Федоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
36. Фразеологический словарь русского языка [Текст] / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под. ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1987. – 543 с.

37. Фразеологический словарь современного русского литературного языка [Текст] / под ред. проф. А. Н. Тихонова / сост.: А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова. Справочное издание: в 2 т. – Т. 1. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 832 с.
38. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т [Текст] / П. Я. Черных. – 3-е изд., стереотип. – Т. 1. – М.: Рус. яз., 1999. – 624 с.

References

1. Baranov A. N., Dobrovolskii D. O. *Aspekty Teorii Frazologii* [Aspects of the Theory of Phraseology]. Moscow: Znak Publ., 2008. 656 p.
2. Vasilev A. I. *Frazeologicheskii Slovar Yazyka M. A. Sholokhova* [Phraseological Dictionary of the Language of M. A. Sholokhov]. Vol. 1. Sterlitamak: Fobos Publ., 2015. 420 p.
3. Vinogradov V. V. *Istoriya Slov* [History of Words]. Available at: <http://wordhist.narod.ru/zalogit.html>. (accessed 27 January 2021).
4. *Zalozhit za Vorotnik* [Fold over the Collar]. Available at: <https://altayklimat.ru/zalozhit-za-vorotnik-proishozhdenie-zakladyvat-za-vorotnik/>. (accessed 25 January 2021).
5. Kurukin I. V., Nikulina E. A. *Povsednevnyaya Zhizn Russkogo Kabaka ot Ivana Groznogo do Borisa Yeltsyna* [Everyday Life of a Russian Tavern From Ivan the Terrible to Boris Yeltsin]. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 2007. 519 p.
6. *Lezt v Butylku* [Climb into the Bottle]. *Bukvoed*. Available at: http://bukvoed.blogspot.com/2007/05/blog-post_17.html#:~:text=. (accessed 27 January 2021).
7. Maslova V. A. *Lingvokulturologiya* [Linguoculturology]. Moscow: Academy Publ., 2001. 208 p.
8. *Mashina Poshla Yuzom* [The Car Went Skidding]. Available at: <https://ru-etymology.livejournal.com/385043.html>. (accessed 24 January 2021).
9. Migranova L. Sh. *Frazeologiya Romana Anna Karenina kak Fragment Yazykovou Kartiny Mira L. N. Tolstogo: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Phraseology of the Novel Anna Karenina as a Fragment of the Linguistic Picture of the World of L. N. Tolstoy. Abstract of Thesis]. Ufa, 2010. 26 p.
10. Mokienko V. M. *Poslovitsa v Poeticheskom Tekste* [Proverb in a Poetic Text]. *Zhizn Frazologii – Frazeologiya v Zhizni*. Kostroma: Izdatelstvo Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 2018. Pp. 211–225.
11. Mokienko V. M. *Pravilno li My Govorim Po-Russki? Pogovorki: Chto My o Nih Znaem, Otkuda Oni Prishli, kak Ikh Pravilno Ponimat i Upotreblyat* [Do We Speak Russian Correctly? Sayings. What We Know about Them, Where They Came From, How to Understand and Use Them Correctly]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2016. 317 p.
12. Orlova G. V. *K Voprosu o Transformatsii Frazeologicheskikh Yedinit v Zagolovkakh Sovremennykh SMI* [On the Question of the Transformation of Phraseological Units in the Headlines of Modern Media]. *Slavyanskaya Frazeologiya v Sovremennykh SMI (Publicisticheskiy Diskurs)*. Graifsvald: Un-t. Im. Ernsta Moritsa Arndta Publ., 2017. P. 123–128.
13. Severskaya O. *Dut v Us ili ne Dut? Vot v Chem Vopros* [To Care or Not to Care? That's the Question]. Available at https://rus.1sept.ru/view_article.php?ID=201000612. (accessed 26 January 2021).
14. *Sovremennaya Frazeologiya: Tendencii i Innovacii* [Modern Phraseology: Trends and Innovations]. Moscow, St. Petersburg, Bryansk: Novyi Proekt Publ, 2016. 200 p.
15. *Traditsionnyi Rukopashnyi Boi* [Traditional Hand-to-Hand Combat]. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1878344/Традиционный_рукопашный_бой#cite_note-29. (accessed 26 January 2021).

16. *Chto Takoe Yuz* [What is Yuz]. *Russkii Yazyk*. Available at: <https://rus.stackexchange.com/questions/42562/Что-такое-юз>. (accessed 27 January 2021).
17. *Sharashkina Kontora* [Fishy Business]. Available at: <https://weekend.rambler.ru/other/40279293-sharashkina-kontora-chno-eto-na-samom-dele/>. (accessed 24 January 2021).
18. Shmelev D. N. *Sovremennyi Russkii Yazyk. Leksika* [Modern Russian Language. Vocabulary]. Moscow: URSS Publ., 2017. 336 p.

Dictionaries

19. Belyanin V. P., Butenko I. A. *Zhivaya Rech. Slovar Razgovornykh Vyrazhenii* [Live Speech. Dictionary of Colloquial Expressions]. Moscow: PAIMS Publ., 1994. 192 p.
20. Birikh A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. *Slovar Russkoi Frazeologii. Istoriko-Jetimologicheskii Spravochnik* [Dictionary of Russian Phraseology. Historical and Etymological Reference Book]. St. Petersburg: Folio-Press Publ., 1998. 704 p.
21. Grachev M. A. *Slovar Tysyacheletnego Russkogo Argo* [Dictionary of the Thousand-Year Russian Argo]. Moscow: RIPOL KLASSIK Publ., 1120 p.
22. Dal' V. I. *Poslovitsy Russkogo Naroda* [Proverbs of the Russian People]: in 2 Volumes. Vol. 1. Moscow: Khudozh. Lit. Publ., 1984. 383 p.
23. Dal' V. I. *Tolkovyi Slovar Zhivago Velikorusskogo Yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Available at: <http://slovardalja.net/letter.php?charkod=192>. (accessed 25 January 2021).
24. Elistratov V. S. *Slovar Russkogo Argo* [Dictionary of Russian Slang]. Moscow: Russkie Slovarei Publ., 2000. 694 p.
25. Mikhelson M. I. *Russkaya Mysl i Rech. Svoe i Chuzhoe. Opyt Russkoi Frazeologii. Sbornik Obraznykh Sloz i Inoskazanii* [Russian Thought and Speech. Yours and Others. Experience of Russian Phraseology. Collection of Figurative Words and Parables]. – St. Petersburg: Brokgauz-Jefron Publ., 1912. 1046 p.
26. Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bolshoi Slovar Russkikh Pogovorok* [Big Dictionary of Russian Sayings]. Moscow: OLMA Media Group Publ., 2007. 784 p.
27. *Slovar Russkikh Narodnykh Govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]: Issue 5. Leningrad: Nauka Publ., 1970. 344 p.
28. *Slovar Russkogo Yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., Poligrafresursy Polygraphs Publ., 1999. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>. (accessed 25 January 2021).
29. *Slovar Sovremennogo Russkogo Goroda* [Dictionary of a Modern Russian City]. Moscow: Russkie Slovarei Publ., 2003. 565 p.
30. *Slovar Sovremennogo Russkogo Literaturnogo Yazyka* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language]: in 17 volumes. Vol. 14. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963. 1390 col.
31. *Tolkovyi Slovar Russkogo Yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]: in 4 vols. Gos. In-t Sov. Jencikl.; OGIZ; Gos. Izd-vo Inostr. i Nats. Slov, 1935–1940. Available at: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>. (accessed 27 January 2021).
32. *Tolkovyi Slovar Russkogo Yazyka s Vklyucheniem Svedenii o Proiskhozhdenii Sloz* [Explanatory Dictionary of the Russian Language with the Inclusion of Information about the Origin of Words]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2011. 1175 p.
33. Fasmer M. *Jetimologicheskii Slovar Russkogo Yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]: in 4 volumes. Vol. IV. St. Petersburg: Azbuka Publ., 1996. 864 p.
34. Flegon A. *Za Predelami Russkikh Slovari* [Outside Russian Dictionaries]. London: RIKE Publ., 1993. 413 p.

35. Fyodorov A. I. *Frazeologicheskii Slovar Russkogo Literaturnogo Yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language]. Moscow, Astrel Publ., 2008. 878 p.
36. *Frazeologicheskii Slovar Russkogo Yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1987. 543 p.
37. *Frazeologicheskii Slovar Sovremennogo Russkogo Literaturnogo Yazyka* [Phraseological Dictionary of Modern Russian Literary Language]: in 2 vols. Vol. 1. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2004. 832 p.
38. Chernykh P. Ya. *Istoriko-Jetimologicheskii Slovar Sovremennogo Russkogo Yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]: in 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Rus. Yaz. Publ., 1999. 624 p.

VERNACULAR PHRASEOLOGY IN THE WORKS BY MIKHAIL MATUSOVSKY: SEMANTIC AND FUNCTIONAL-STYLISTIC ASPECTS

Dyakova T. A.

The study is devoted to vernacular phraseology as part of the lexicon of the writer Mikhail Matusovsky. Literary works in the context of the anthropocentric paradigm present a unique fact of national and world culture, a phenomenon of individual creativity, and a source of cognitive information. Phraseology, being the most transparent subsystem of the language that serves to embody ethnoculture by lingual means, is an essential part of the writer's artistic-figurative system. The phraseological fund of Mikhail Matusovsky's works is semantically and stylistically diverse. Phraseological units of his works has a significant amount of vernacular expressions, which semantics is consonant with the linguistic part of the works. The object of study is the vernacular phraseological units used in M. Matusovsky's works, the subjects are the etymology of phraseological units and semantic and stylistic features of their use. The material of the research is the texts of the writer's poems, included in collections of different years, and the prosaic Family Album. The author concludes that Mikhail Matusovsky not only uses units recorded by phraseographic sources in his texts, but also subjects individual phraseological phrases to the author's transformation. It is established that phraseological units used in Matusovsky's works perform various stylistic functions. They give the narration (reasoning) an emotionally expressive character, reflect psycho-emotional states of lyrical heroes and characters, serve as a mental characteristic of the lyrical hero, are used as elements of portrait, speech characteristics and assessment of the characters' actions, to describe items, and to attract a wide range of readers. They are stable combinations used as paths to fulfill the functions of personification in the descriptions of natural phenomenon and animal behavior.

Key words: phraseological unit; vernacular; text; emotionally expressive character; speech characteristic; portrait characteristics; etymology.